

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

1 Апрѣля

№ 7.

1869 года.

Выходятъ два раза въ мѣсяць: 1 и 15 числа, - съ Юля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.	Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.
--	--

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Объ опредѣленіи на священнослужительскія мѣста.

1) Въ село Борщевку Тамбовскаго уѣзда, на мѣсто умершаго священника Михаила Поспѣлова, опредѣлень студентъ семинаріи Павелъ *Спаскій*.

2) Въ село Богородицкую Сурену Козловскаго уѣзда, на мѣсто уволившагося заштатъ священника Аркадія Протопопова, опредѣлень окончившій курсъ семинаріи Григорій *Кирилловскій*.

Объ учрежденіи церковно-приходскихъ попечительствъ въ слѣдующихъ селахъ Тамбовскаго уѣзда:

1) Въ селѣ Пяшкильской Слободѣ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Григорій *Васильевскій* съ 7 членами.

2) Въ Поникѣ. Предсѣдателемъ избранъ крестьянинъ Федоръ *Галаевъ* съ 2 членами.

Липецкаго уѣзда:

3) Въ селѣ Ладыгинѣ. Предсѣдателемъ избранъ подпоручикъ Василій *Вельяминовъ* съ 2 членами.

Спаскаго уѣзда:

4) Въ селѣ Саввѣ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Іоаннъ *Романовскій* съ 6 членами.

Борисоглѣбскаго уѣзда:

5) Въ селѣ Липягахъ. Предсѣдателемъ избранъ священникъ Ѳеодоръ *Ракшенскій*.

О производствѣ чиновниковъ Тамбовской Д. Консисторіи и ея вѣдомства въ слѣдующе чины, по указу Правительствующаго Сената, отъ 29 января 1869 г.

Произведены въ коллежскіе секретари—губернскіе секретари: Василій *Смирновъ*, Федоръ *Добротворцевъ* и Иванъ *Кривополянскій*.

Въ губернскіе секретари—коллежскіе регистраторы: Иванъ *Темиревскій* и упраздненнаго темниковскаго духовнаго правленія Иванъ *Яковлевъ*.

Въ коллежскіе регистраторы—канцелярскіе служители Консисторіи: Федоръ *Никольскій* и упраздненнаго козловскаго духовнаго правленія Василій *Щелловъ* и Иванъ *Головинъ*.

Распредѣленіе благочинническихъ округовъ Тамбовской епархіи.

(Продолженіе.)

По Елатомскому уѣзду.

Въ 1 Округѣ Благочиннымъ села Малаго Кусмора священникъ Петръ *Назаревъ*; помощникъ его г. Елатымы Вознесенской церкви священникъ Александръ *Царевскій*. Округъ

этотъ составляютъ церкви г. Елатымы: 1) Соборная, 2) Ильинская, 3) Благовѣщенская, 4) Троицкая, 5) Казанская, 6) Введенская, 7) Вознесенская. 8) Рождественская, 9) Воскресенская. **Села:** 10) Которово, 11) Большой Кусморь, 12) Сабурово, 13) Малый Кусморь, 14) Ермолowo, 15) Квасьево, 16) Анд. Пустынь, 17) Иванчино, 18) Лачино, 19) Севастьяново, 20) Ардабьево, 21) Подгородное-Свищево, 22) Кольдюки, 23) Ватриница, 24) Подгородное Любовниково.

Во 2 Округѣ Благочиннымъ с. Темпрева священникъ Фотій *Назаревъ*; помощникъ его с. Прудища священникъ Аѳанасій *Грибановскій*. **Села этого округа:** 1) Глядково, 2) Истлѣво, 3) Прудище, 4) Подболотье, 5) Нащи, 6) Мачилы, 7) Пеньки, 8) Темпрево, 9) Потапьево, 10) Гавриловское, 11) Почаево, 12) Высокія Поляны, 13) Впряево, 14) Гридино, 15) Пппы, 16) Терентьево, 17) Болушевы Починки, 18) Нестерово, 19) Зарѣчное-Свищево, 20) Зарѣчное-Любовниково.

Въ 3 Округѣ Благочиннымъ священникъ Полтевскихъ Пеньковъ Козьма *Чуруновъ*; помощникъ его священникъ с. Просяныхъ Полянъ Николай *Докровскій*. **Села этого округа:** 1) Полтевы Пеньки, 2) Просяныя Поляны, 3) Богоявленскій Погостъ, 4) Данилово, 5) Погостъ-Лисы, 6) Царево, 7) Собра, 8) Нарма, 9) Савватъма.

Въ 4 Округѣ исправляетъ должность Благочиннаго духовникъ священникъ села Ласиць Михаилъ *Хризолифовъ*. **Села этого округа:** 1) Кобяково, 2) Сасово, 3) Теньгушево, 4) Ушаково, 5) Вальса, 6) Берестенки, 7) Лисицы, 8) Пол. Майданъ 9) Котельня, 10) Шев. Майданъ, 11) Рогошка, 12) Коргошино, 13) Мокрое, 14) Чубарово, 15) Заболотье, 16) Церлево, 17) Верхне-Мальцево, 18) Сатничино, 19) Алешино, 20) Саблино.

По Спасскому уѣзду.

Въ 1 Округѣ, составленномъ изъ 5 Благочиній, состоятъ Благочинными пока прежнія лица: г. Спасска протоіерей Павелъ *Бьловидовъ*, села Ширингуши священникъ *Василій Вадковскій* и с. Зарубкина Константинъ *Зерновъ*. Округъ этотъ составляютъ церкви г. Спасска: 1) Соборная, 2) Вознесенская. Села: 3) Трехъ-Липяги, 4) Дерябкино, 5) Мордовскій Пимбуръ, 6) Дубасово, 7) Ачадово, 1) Пичпанда, 9) Ширингушъ, 10) Новое Бадиково, 11) Красная Дуброва, 12) Сядемка, 13) Кириллово, 14) Мордовскія Поляны, 15) Булдыгино, 16) Богдановка, 17) Тарханская Потьма, 18) Зарубкино, 19) Покровскія Селищи, 20) Новые Выселки, 21) Новая Потьма, 22) Кирилловскіе Выселки.

Во 2 Округѣ Благочиннымъ с. Хомутовки священникъ *Димитрій Доброхотовъ*; помощ. его с. Кажлотки священникъ *Николай Соловьевъ*. Сель этого округа: 1) Хомутовка, 2) Тимашево, 3) Дракино, 4) Кажлотка, 5) Аксеновка, 6) Кочетовка, 7) Исдаимъ, 8) Савва, 9) Никольское, 10) Салазгоръ, 11) Жуково Казанской церкви, 12) Жуково Рождественской церкви, 13) Жилково, 14) Димитріевъ Усадъ, 15) Вярвель, 16) Пичпанда, 17) Малышевы Дубровки, 18) Мальцово, 19) Виндрейскій Заводъ, 20) Кошелевка.

Въ 3 Округѣ Благочиннымъ с. Журавки священникъ *Яковъ Купленскій*. Села этого округа: 1) Журавкино, 2) Боковой Майданъ, 3) Матвѣевскій Майданъ, 4) Спасскіе Буты, 5) Пичгириевскій Майданъ, 6) Коргошино, 7) Анаево, 8) Вадковскія Селищи.

II.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отношеніе Высокопреосвященнаго Исидора, Митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго, къ Преосвященному Θεодосію, Епископу Тамбовскому и Шацкому, о распространеніи по Епархіи журнала: Христіанское Чтеніе, издаваемого С. Петербургскою Духовною Академіею.

Ваше Преосвященство,

Милостивый Архипастырѣ!

Издаваемый при С. Петербургской Духовной Академіи журналъ „Христіанское Чтеніе“ заслуживаетъ въ настоящее время особеннаго поощренія. Помѣщаемый въ немъ съ 1861 года по распоряженію Святѣйшаго Синода, переводъ священныхъ книгъ ветхаго заветъа на русскій языкъ, имѣя собственное значеніе по довольно точному соотвѣтствію еврейскому тексту, вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ весьма важною подготовительною работою для изданія Святѣйшимъ Синодомъ священныхъ книгъ ветхаго заветъа на русскомъ языкѣ. За тѣмъ, съ новаго 1869 года, редакція предприняла, также по мысли Святѣйшаго Синода, изданіе символовъ и вѣронзложеній православной церкви отъ временъ апостольскихъ до нашихъ дней, съ ученымъ разборомъ ихъ текста, обстоятельство происхожденія и догматической важности. Это изданіе обѣщаетъ принести большую пользу развитію нашей богословской науки, основавъ изложеніе догматики на прочной почвѣ изученія подлиннаго текста догматическихъ памятниковъ священнаго преданія православной церкви. Кромѣ того, журналъ поддерживаетъ сношенія съ православными нашими церквами за границей, чтобы слѣдить за ходомъ важнѣйшихъ событій въ средѣ православной церкви на востокѣ и за движеніями въ пользу

православія на западѣ. Вообще, редакція дѣйствительно заботится объ усовершеніи своего изданія. По всему этому, а также въ виду усердія вашего Преосвященства къ истинной пользѣ церкви ввѣренной вамъ епархіи, прошу васъ, Милостивый Архипастыръ, зависящими отъ васъ мѣрами содѣйствовать распространенію „Христіанскаго Чтенія“ въ возможно-большемъ размѣрѣ.

„Христіанское Чтеніе“ будетъ выходить книгами, отъ 10 до 12 листовъ каждый мѣсяць.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ безъ доставки на домъ *шесть рублей*, а съ доставкою и пересылкою во всѣ города *семь рублей*. Въ видахъ облегченія подписчиковъ, Редакція, по примѣру прошедшаго года, допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты по-полугодно, — за ручательствомъ, впрочемъ, лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и братскою о Христвъ любовію имѣю честь быть

Вашего Преосвященства покорнѣйшимъ слугою.

Исидоръ М. Новгородскій и С.-Петербургскій.

№ 43

Января 10 дня

1869 года.

Консисторія, согласно резолюціи Его Преосвященства, послѣдовавшей на этомъ отношеніи, вмѣняетъ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей и благочиннымъ — въ непремѣнную обязанность приобрѣсти означенный журналъ первымъ для монастырей, а послѣднимъ для благочинническихъ библиотекъ, а также для градскихъ и для болѣе состоятельныхъ сельскихъ церквей.

О Т Ч Е Т Ъ

о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ,

по Тамбовскому Училищу двѣиць духовнаго званія:

За 1868 годъ.

Приходъ:

Отъ 1867 къ 1868 году осталось:

Налич- ными	a) Отъ жертвенной суммы .	743 р. 75 ³ / ₄ к.
	b) Отъ продажи книгъ .	690 р. 90 к.
	c) Въ билетъ .	1348 р. —

Въ 1868 году поступило въ приходъ:

1.	Отъ сдачи училищной земли .	352 р. 86 к.
2.	Отъ процентовъ съ капитала г. Трунцевскаго	315 р. 32 к.
3)	Отъ Тамбовскаго духовнаго по- печительства	1200 р. —
4)	Отъ процентовъ съ кошелековой суммы	548 р. 45 ¹ / ₂ к.
5.	Отъ Редакціи Епархіальныхъ Вѣ- домостей	1008 р. —
6.	Отъ пожертвованій священноцер- ковнослужителей, монастырей и пусты- ней	2502 р. 29 к.
7.	Отъ благотворителей разныхъ сословіій	540 р. 50 к.
8.	Отъ взноса пансіонерокъ .	795 р. —

Итого въ 1868 году въ при- ходъ и съ остаточными		8689 р. 81 ¹ / ₄ к.
Въ билетъ		1348 р. —

Расходъ.

1. На пищу и одежду	3776 р. 8½ к.
2. На жалованье начальницъ и служащимъ въ училищѣ.	1608 р. 47 к.
3. На жалованье письмоводителю и канцелярскіе расходы.	62 р. 40 к.
4. На учебные и рукодѣльные пособия	179 р. 18 к.
5. На содержаніе дома съ его отопленіемъ и освѣщеніемъ	1959 р. 96½ к.
6. На больницу	265 р. 43 к.

Итого въ 1868 году въ расходъ
поступило 7851 р. 53 к.

За тѣмъ къ 1869 году осталось:

Наличными	}	а) Жертвенной	146 р. 65¼ к.
		б) Книжной	690 р. 90 к.
		с) Въ билетѣ.	1348 р. —

1869 года марта 5 дня. Отчетъ сей за 1868 годъ о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ, принадлежащихъ училищу, въ ревизіонномъ комитетѣ свидѣтельствованъ и по свидѣтельству оказался въ счетѣ суммъ и съ приходо-расходными книгами вѣрнымъ.

Члены ревизіоннаго комитета: { *Иерей Василій Адамовъ.*
Иерей Іоаннъ Новосельскій.
Священникъ Іоаннъ Боголюбовъ.

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры 1 Апрѣля 1869 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

1 Апрѣля

№ 7.

1869 года.

ФИЛОСОФСІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

○

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТІАНСКОЙ РЕЛИГІИ,

Огюста Шюболя.

III.

○ Евангеліяхъ.

«Человѣкъ по природѣ склоненъ ко лжи и обману: истина и проста и искренна, а онъ бы желалъ особенностей вѣроятія и прикрасъ; она не по немъ, она является съ неба, такъ сказать, совершенно готовая и во всемъ своемъ совершенствѣ; а человѣкъ любитъ только свои произведенія, свои вымыслы и басни. Наблюдайте за народомъ: по своей грубости и глупости онъ вымышляетъ и умножаетъ одни глупости и погрязъ въ этихъ грубостяхъ и глупостяхъ; спросите даже самаго честнаго человѣка, всегда ли онъ былъ правдивъ и искрененъ въ своихъ разговорахъ, не прибѣгалъ ли иногда къ притворству, къ чему какъ бы неволь-но побуждали его тщеславіе и легкомысліе, и не

приходилось ли ему часто для красоты разказа прибавлять къ нему небывалыя обстоятельства и подробности? Нынѣ, предъ нашими глазами случилось происшествіе, и сотни лицъ, видѣвши его, разказываютъ о немъ на сто разныхъ ладовъ, даже одно и тоже лице, если прислушиваться, будетъ повторять свой разказъ всякой разъ иначе, чѣмъ прежде: какое же довѣріе могъ бы я питать къ событіямъ древнимъ, отдаленнымъ отъ насъ многими вѣками? Какое основаніе я долженъ находить у самыхъ серьезныхъ историковъ! Да и какъ составляется исторія? Точно ли среди сената былъ убитъ Цезарь? Да и существовалъ ли самъ Цезарь? Какое заключеніе, скажете вы, какія сомнѣнія, какіе вопросы! Вы смѣетесь и считаете меня недостойнымъ никакого отвѣта, и я думаю, что вы и мѣете даже на это основаніе. Тѣмъ не менѣе, я предполагаю, что книга, въ которой сдѣланъ почетный отзывъ о Цезарѣ, должно быть, не свѣтская, написанная рукою людей лживыхъ, найденная случайно въ библіотекахъ между другими манускриптами, содержащими истинныя или подложныя исторіи; а, напротивъ, написанная по вдохновенію, священная, Божественная; что она носитъ на себѣ такіе признаки, что около двухъ тысячъ лѣтъ она хранится многочисленнымъ обществомъ, которое во все это время не позволяло никому сдѣлать въ ней ни малѣйшей перемѣны и поставило для себя священною обязанностію сохранять ее во всей ея неповрежденности; что есть даже религіозная и необходимая обязанность вѣрить всемъ фактамъ содержащимся въ той книгѣ, гдѣ говорится о Цезарѣ. Признайтесь, Луцилія, вы уеумнились бы тогда, существовалъ ли въ самомъ дѣлѣ Це-

зарь?» (*) Этою тонкою пропією Брюйеръ защищаль противъ вольнодумцевъ подлинность и неповрежденность Евангелія и вмѣстѣ истину его повѣствованія. И намъ кажется, что, дѣйствительно, этимъ и надобно ограничиваться въ изслѣдованіи объ этомъ предметѣ, т. е. вопросами здраваго смысла и здравой вѣры. Если смотрѣть на это дѣло прямо, въ лице, то оно даже и не представляется вопросомъ; истинность Евангелія съ разу бросается въ глаза, и слово, истинное, какъ Евангеліе, есть не что иное, какъ голосъ общаго смысла и самой истины. Брюйеръ и Руссо представили собою особенные примѣры такого безпристрастнаго отношенія къ этому предмету. Пусть перечитають сочиненія этихъ двухъ знаменитыхъ писателей о семъ предметѣ, и если послѣ этого останутся при своихъ сомнѣніяхъ, то это признакъ болѣзненнаго состоянія подобныхъ людей.

Дѣйствительно, невѣріе составляетъ болѣзнь нѣкоторыхъ умовъ; и тотъ усилилъ бы ее, кто захотѣлъ бы, какъ врачество, употребить противъ нея подробное опроверженіе всѣхъ толковъ невѣрія. Вы скорѣе исчерпали бы воду изъ моря, чѣмъ разрѣшили бы возраженія, противопоставленныя невѣріемъ; потому что самые ваши отвѣты всякой разъ будутъ только вызывать новыя, особенно если эти отвѣты будутъ сильны и убѣдительны. Тогда, быть можетъ, невѣріе усумнится въ самомъ себѣ, и истина сама собою приобрѣтетъ свои права.

Съ опроверженіемъ подробностей, кромѣ того неудобства, что имъ не возбуждается упрямое со-

(*) La Brugere chap. des Esprits forts.

противленіе невѣрія, соединяется еще и другое, — то, что имъ же можетъ смущаться простая вѣра, можетъ быть наводима на мысль, что предметъ ея благоговѣнія не бесспоренъ, и требуетъ страшнаго запаса свидѣтельствъ и доказательствъ, чтобы отстоять себя. И кто никогда не сомнѣвался въ достовѣрности Евангелія, вслѣдствіе множества вашихъ доказательствъ на эту истину, не столько утвердится въ своей вѣрѣ, сколько встревожится мыслию, что все это необходимо для его вѣры. Таковъ почти и былъ результатъ тяжеловѣсныхъ апологій, составленныхъ Гутвиллемъ и Бержье противъ необузданнаго фанатизма невѣрующихъ осьмнадцатаго вѣка. Перечитывая теперь ихъ сочиненія, невольно удивляешься горячей преданности своему дѣлу этихъ благородныхъ людей, надѣявшихся восторжествовать въ свое время истинною ученостию и основательностию, съ которыми они простирали защиту своего дѣла до крайнихъ предѣловъ, до которыхъ (доходило нападеніе, и столько оказывали ему уваженія, что опровергали пунктъ за пунктъ, хотя оно давно этого не стоило.

Не значить ли это что мы ихъ порицаемъ? О, Боже, сохрани! нѣтъ; мы этого не смѣемъ произнести. Мы выражаемъ только сожалѣніе о той необходимости, въ которой они были поставлены, потерять столько ума, учености и ревности на опроверженіе подробностей, тогда какъ здравый смыслъ потомства и непобѣдимая сила истины вскорѣ сдѣлали его бесполезнымъ.

И, однакожь, съ нашей стороны должна быть полная къ нимъ признательность, которой они тѣмъ болѣе достойны, чѣмъ менѣе о ней думали. Рѣ-

шившись на всё труды, самые тяжелые и неприятные, они не отступали ни предъ какимъ заблужденіемъ, ни предъ какимъ предразсудкомъ, и мужественно отстаивали область истины противъ всякаго насилія и произвольнаго искаженія, до тѣхъ поръ пока она восторжествовала, и сама заняла въ сознаниіи людей подобающее ей святое мѣсто. Основательные умы, еще и теперь читающіе ихъ сочиненія, они доводили до сознанія, что вѣра Христіанская—истинна, что подъ наружною простотою своею она скрываетъ всю силу своихъ доказательствъ, столько же многочисленныхъ и разнообразныхъ, какъ и возраженія противъ нея, но всегда ихъ сильнѣйшія; и въ какой бы степени ни подкапывались подъ ея основанія, съ какой бы стороны ни нападали на нее, — не достигнуть своихъ цѣлей, и только съ безчестіемъ могутъ отступаться отъ нихъ. Они, наконецъ, изострили оружія для будущихъ браней и, какъ достойные преемники Оригена, Кирилла и Евсевія, приготовили вѣрные пораженія будущихъ Юліановъ и Вольтеровъ.

Благодареніе Богу, мы не имѣемъ противъ себя такихъ противниковъ, и можемъ говорить языкомъ общаго смысла и простой истины съ полною увѣренностію, что требованія нашихъ читателей не захдять за предѣлы здраваго разума и добросовѣстности.

Съ такимъ убѣжденіемъ, подобно тому какъ и прежде мы поступали, начнемъ оправданіе Евангельской истинности доказательствами философскими и нравственными, основываясь на фактахъ, но не теряясь въ ихъ многочисленности. (*)

(*) Мы очень боимся не устоять въ своемъ словѣ и не

А.

Поставляя себя въ самое естественное положеніе въ нашему предмету, мы должны прежде всего сказать: вотъ Евангеліе, т. е. повѣствованія четырехъ современниковъ о жизни Иисуса Христа; почему же не вѣрить въ ихъ подлинность и истинность?

Приходило ли вамъ на мысль сомнѣваться въ подлинности Лѣтописи Тацита или Комментаріевъ Цезаря? Конечно, нѣтъ. По какому же праву вы не довѣряете подлинности Евангелія? Ужели оно меньше имѣетъ права на ваше довѣріе? Есть ли какое нибудь побужденіе подозрѣвать его подлинность? Нашли ли какое доказательство, или даже хоть признакъ, который бы наводилъ на слѣдъ подлога или порчи и поддѣлки Евангельской исторіи? Ничего подобнаго нѣтъ.— Не оспариваютъ ли, не обличаютъ ли ее въ невѣрности другіе современные писатели, или не стоитъ ли она въ противорѣчій съ обстоятельствами и правами, среди которыхъ появилась написанною? Не только нѣтъ, а, напротивъ, она въ совершеннѣйшемъ согласіи съ ними. Не лишена ли она того отпечатка жизни и искренности, которыя такъ много дѣйствуютъ на наше убѣжденіе въ пользу другихъ писателей, нами принимаемыхъ? Напротивъ, она отли-

поддаться искусительному увлеченію въ мелочныя подробности, каковъ недостатокъ поставляли въ укоръ нашимъ почтеннымъ предшественникамъ. Но есть различіе между ихъ положеніемъ и нашимъ: у нихъ это было искушеніе нужды, а у насъ искушеніе богатства; мы подобны расточительнымъ наслѣдникамъ послѣ бережливыхъ отцевъ.

чается этимъ въ высшей степени.— Не подвергалась ли она обличительнымъ подозрѣнiямъ, недостатка въ которыхъ никогда не бываетъ при появленiи подложныхъ сочиненiй? Рѣшительно нѣтъ: никогда ни одна книга не пользовалась большимъ довѣрiемъ; она всегда была хранима, какъ самая истина, и въ этомъ составляла основанiе клятвы. Итакъ, если все признаки подлинности выставлены въ этой книгѣ, то почему, на какомъ основанiи можно,—не говорю — не признавать, но даже обращать въ вопросъ ея подлинность? Ожидаю отвѣта, и отвѣта основательнаго, лучшаго, чѣмъ одинъ изъ тѣхъ спорныхъ отвѣтовъ, на основанiи которыхъ думали, на примѣръ, доказывать, что разказъ Юсифа Флавiя объ Иисусѣ Христѣ не принадлежитъ этому писателю.

Но мало этого: рѣшительно безъ всякаго основанiя нѣкоторые скептики поднимаютъ этотъ вопросъ и рѣшаютъ его, или лучше, разсѣкаютъ однимъ ударомъ меча, какъ тѣ вольнодумцы, которые не перестаютъ лишь требовать доказательствъ, сколько бы ни было ихъ представлено. Имъ указываютъ на представленныя доказательства, которыми подтверждается достовѣрность всякаго вообще сочиненiя; а они обращаютъ это въ поводъ своему невѣрiю. Подлинность Евангелiя, на основанiи этихъ доказательствъ, не оспариваема: пусть они ее оспариваютъ!

Но вы желали бы знать, какъ тверды доказательства, съ помощiю которыхъ они думаютъ достигнуть своей цѣли? Вотъ одно изъ нихъ: «возможно Евангелiемъ быть и неподлиннымъ; слѣдовательно, ихъ и не должно признавать за подлинныя». Этимъ основанiемъ и ограничивается невѣрiе.—

Какъ ни жалко, впрочемъ, это основаніе, но его легко уничтожить,—оспорить даже ту *возможность*, по которой, говорятъ, возможно явиться Евангелію неподлинному. Но мы удержимся отъ этого. Пока довольно и здраваго смысла для произнесенія приговора надъ подобнымъ умышленіемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какой тутъ здравый смыслъ, когда допускаютъ, будто Евангеліе могло такимъ образомъ обмануть довѣріе рода человѣческаго! Какъ возможно было, чтобы нашлась рука настолько тайная, настолько ловкая и счастливая, что успѣла незамѣтно распространить его вездѣ и дать ему преобладающее вліяніе, такъ что нигдѣ и никогда не могли замѣтить и открыть—гдѣ, когда и какъ она подготовляла или приводила въ исполненіе свой обманъ?! Если допустить такую возможность, то надобно бы усумниться во всемъ: тогда всякая историческая достовѣрность и подлинность поколеблется и падетъ, и ни одна книга, ни одинъ документъ не могутъ устоять; или надлежало бы для одной книги Евангелія допустить отмѣну законовъ исторической истины и, чтобы не вѣрить ему, броситься въ странности несравненно чудовищнѣе тѣхъ, которыхъ желаютъ избѣжать.

И, однакожь, таково именно настроеніе нѣкоторыхъ умовъ: они отказываютъ рѣшительно во всякомъ довѣрїи этой священной книгѣ; довольно указать на какое либо мѣсто изъ нея, чтобы вамъ не повѣрили, и изъ близкихъ къ ней по времени книгъ нѣтъ ни одной столь плохой книжонки языческой, которой не отдали бы предпочтенія предъ Евангеліемъ. Говорю о предметѣ этомъ съ исторической стороны, потому что, по неизъяснимому про-

творѣчію, эта самая книга, которая въ разсужденіи фактовъ есть не что иное, какъ рядъ басней, въ разсужденіи идей, въ ней содержащихся, имѣетъ неоцѣненное достоинство; и невѣрующіе обращаются торжественно къ ней даже съ изступленнымъ благоговѣніемъ, какъ къ предмету своего гордаго и презрительнаго невѣрія.

Мы настаиваемъ на этой странности только потому, что она овладѣла нѣкоторыми душами простосердечными, но неразсудительными, которыя не даютъ себѣ въ томъ отчета и предъ умственнымъ взоромъ которыхъ полезно выставить эту странность наружу. Недовольно, впрочемъ, выставить ее наружу, а надобно открыть и причину ея, и мы думаемъ, что отгадали ее вѣрно, вотъ она:—

Сами по себѣ, безъ отношенія къ своему предмету, книги Евангелія никогда не возмущали бы невѣрія, не поднимали бы противъ себя его негодованія. Къ нимъ оказывали бы столько же довѣрія, какъ и ко всякому другому сочиненію; въ нихъ видѣли бы даже условія подлинности совершенно особыя и единственныя; и запрятали бы въ домъ сумасшедшихъ перваго безумца, въ голову котораго пришла бы мысль, будто исторія, въ нихъ содержащаяся, вымышлена такъ-себѣ, для удовольствія. Такъ, дѣйствительно, и поступили бы въ настоящее время съ тѣмъ, кто сталъ бы отвергать существованіе и дѣянія Сократа или Цезаря, не смотря на то, что они не имѣютъ за себя столько свидѣтельствъ, какъ жизнь и дѣянія Иисуса Христа. Но вотъ въ чемъ разность: жизнь и дѣянія Сократа и Цезаря стоятъ въ ряду событій естественныхъ, тогда какъ жизнь и дѣянія Иисуса

Христа — сверхъестественны; первыя составляютъ для насъ дѣло внѣшнее, постороннее, и не требуютъ отъ насъ никакихъ жертвъ; между тѣмъ какъ послѣднія касаются самаго внутреннѣйшаго существа нашего, во имя Бога представляютъ свои права на наше сознание и свободу, налагаютъ на нашу совѣсть и волю обязанности подражать имъ, исполнять ихъ. Въ виду этой разности и говорятъ (не безъ нѣкоторой благовидности на счетъ основанія; я въ этомъ согласенъ): «фактъ естественный и обстоятельный вѣроятенъ и можетъ быть допущенъ по самому свойству своему, и если можно его повѣрить опытомъ, то самый опытъ ведетъ къ допущенію его; потому что кромѣ того нечего ему и противопоставить. А иное дѣло фактъ сверхъестественный, фактъ, послѣдствія котораго сами собою господственно предъявляютъ свои права на разумъ и волю; такой фактъ въ самомъ себѣ представляетъ затрудненіе, предъ которымъ ничего не значатъ всѣ признаки и доказательства естественной очевидности событій. По отношенію къ нему имѣютъ право требовать доказательствъ соотвѣтствующихъ его высокому значенію, т. е. также сверхъестественныхъ, какъ и онъ самъ. А истинность Евангелія опирается только на доказательствахъ естественныхъ, весьма достаточныхъ для подтвержденія факта естественнаго, но неудовлетворительныхъ по отношенію къ факту сверхъестественному». — Вотъ еущность возраженія, если я не обманываюсь.

А вотъ и отвѣтъ. —

Требовать, чтобы окончательнымъ приговоромъ, послѣднею опорой сверхъестественнаго факта было доказательство сверхъестественное, зна-

читъ—требовать невозможнаго. Ибо какое это возможно было бы сверхъестественное само въ себѣ доказательство, если не другой фактъ сверхъестественный, имѣющій нужду для подтвержденія своего также въ другомъ сверхъестественномъ доказательствѣ, и такъ далѣе безъ конца? Очевидно, это, такъ называемый, логическій кругъ, гдѣ вмѣсто основанія ставится то самое, чему хотять найти основаніе.

Поясимъ это примѣромъ: Иисусъ Христосъ въ доказательство своего Божества воскрешаетъ Лазаря. Событіе воскрешенія Лазаря есть фактъ сверхъестественный, доказывающій сверхъестественное, Божеское всемогущество и власть Иисуса Христа: это справедливо. Но самое событіе воскрешенія Лазаря какъ доказать иначе, если не обратиться къ доказательству естественному? Самые свидѣтели этого воскрешенія какое могли имѣть удостовѣреніе, если не естественное удостовѣреніе своего собственнаго зрѣнія, при содѣйствіи котораго они могли обсудить всѣ обыкновенные факты человѣческой жизни?

Причина и основаніе этого очень проста: такъ какъ цѣль этого удостовѣренія въ человѣкѣ; то необходимо, чтобы оно само было сообразно съ природою человѣка, приспособлено къ ней, следовательно, было *человѣческое, естественное*; иначе оно не достигало бы своей цѣли.—Итакъ, необходимо допустить естественное свидѣтельство и доказательство, какъ единственно возможное у человѣка для убѣжденія его въ дѣйствительности факта сверхъестественнаго. Болѣе или менѣе сильное и прямое, это доказательство, какъ рѣшительное, всегда можетъ быть только чисто естествен-

нымъ доказательствомъ. Съ этой точки зрѣнія я понимаю, какъ важно это требованіе разума. Но какъ бы оно ни было важно, оно должно имѣть свои предѣлы; иначе оно было бы неразумно; этими предѣлами должны быть естественныя границы самихъ вещей.

Итакъ, если истинность Евангелія доказывается такъ ясно, какъ требуетъ этого самое свойство предмета; если оказывается, что всѣ условія въ высшей степени благопріятствуютъ признанію этой истины; если по числу и достоинству этихъ доказательствъ весьма достаточно; если не остается мѣста и малѣйшему справедливому сомнѣнію на счетъ этого предмета: то по всей справедливости надобно принять съ полною вѣрою Евангеліе.

Дѣйствительно, отвергать это могутъ не иначе, какъ только вычеркнувъ изъ числа естественныхъ доказательствъ доказательство историческое, или же опять выставивъ требованіе, будто здѣсь необходимо больше, чѣмъ доказательство естественное. Но мы уже видѣли, какъ во всякомъ случаѣ нельзя требовать большаго, чѣмъ естественное доказательство. Съ другой стороны, неоспоримо, что доказательство историческое, если оно совершенно въ своемъ родѣ, есть одно изъ естественныхъ доказательствъ — рѣшительное, котораго нельзя отвергать безъ упрека въ неразуміи. (*) Итакъ, если всѣ условія этого доказательства оказываются на сторонѣ Евангелія; то его слѣдуетъ принять съ вѣрою.

(*) Мы удерживаемся здѣсь отъ объясненія того, что оно въ извѣстномъ отношеніи сильнѣе доказательства нашихъ собственныхъ глазъ. Пока довольно показать, что оно само въ себѣ — рѣшительное доказательство.

Когда есть доказательство известнаго факта и, притомъ, доказательство безспорное; тогда было бы совершенно неразумно не принимать этого факта. Что за нужда послѣ этого, будетъ ли этотъ фактъ естественный или сверхъестественный? Уже ли отъ этого различія доказательство можетъ имѣть неодинаковую силу? Или фактъ въ одномъ случаѣ больше, а въ другомъ меньше можетъ быть достовѣренъ?

Итакъ, надобно не столько озабочивать себя разбирательствомъ, что въ евангельскихъ фактахъ есть сверхъестественнаго, сколько справедливымъ требованіемъ, чтобы доказательства ихъ дѣйствительности были столько совершенны, сколько можно естественно этого требовать. Тѣмъ болѣе не слѣдуетъ предварительно предаваться этому разбирательству, чтобы не подвергнуться той непослѣдовательности, которой, какъ мы указали, надобно избѣгать въ семъ случаѣ.

Вотъ отвѣтъ на возраженіе, которое служить тайнымъ источникомъ невѣрія *такъ-себѣ*, т. е. безотчетное, безсознательное.

Въ разрѣшеніе этого возраженія мы преждевременно высказали то, что предлежитъ намъ говорить съ большею отчетливостію въ изслѣдованіи о чудесахъ; теперь обратимся опять къ нашему изслѣдованію о Евангеліи.

На вопросъ: несомнѣнна ли его достовѣрность, мы уже замѣчали, что ничто не даетъ намъ права обращать даже въ вопросъ эту достовѣрность, что она столь ясна, что подозрѣніе въ отношеніи къ ней было бы болѣе несправедливо, чѣмъ въ отношеніи къ всякому другому историческому памятнику, наилучшимъ образомъ засвидѣтельство-

ванному.

Но этого мало; я утверждаю, что на сторонѣ Евангелія оказываются такія условія достовѣрности, которыя исключаютъ даже самую возможность поддѣлки или подлога или обмана, и что достовѣрность эта необходима.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЯ И ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ НА 33-Й ПСАЛОМЪ.

Ст. 11. *Богатіи обнищаша и взалкаша, взыскающіи Господа не лишатся всякаго блага.*

Завершаетъ св. Пророкъ лѣствицу расположеній, привлекающихъ Божій покровъ взысканіемъ Господа. Взысканіе Господа есть выраженіе упованія на Бога. Въ нуждѣ тотчасъ ищутъ того, въ комъ имѣютъ опору. Кто на Бога опирается упованіемъ, тотъ Его и взыскиваетъ. Сіе взысканіе невольно исторгается изъ уповающаго сердца, когда не подсѣкаетъ угрызеніе совѣсти. Взысканіе, возникающее въ сердцѣ, дошедшемъ до упованія чрезъ вкушеніе благодати Божіей, воодушевляется дерзновеніемъ отъ богоугодной и богобоязненной жизни. Почему о немъ тотчасъ и поминаетъ Пророкъ, послѣ того, какъ только что внушилъ — имѣть совершенный страхъ Божій, трудами добродѣланія свидѣтельствуемый.

Взыскающимъ Господа противопологаются богатые. Слѣдовательно богатые здѣсь — тоже, что не взыскивающіе Господа, не обращающіеся къ Нему въ нуждахъ, самодовольные, своими средствами безъ Бога чающіе устроить участь свою во благо, т. е. во всемъ полагающіеся на силу свою, на деньги, связи и свое положеніе. Это тѣ, о коихъ негдѣ говорится: *уты, утолстѣ, разширь и забы Бога* (Втор. 32, 15).

Когда говорить о нихъ св. Давидъ, что они *обнищаша и взалкаша*; то хочеть означить тѣмъ: нищи суть и

алчны (прошедшее время Евр. означаетъ настоящее въ совершенной формѣ). Потому что они никогда не бываютъ довольны, а все желаютъ большаго, какъ алчныя, и ищутъ его, какъ нищія. Напротивъ взыскающіе Господа исполнены бываютъ чувствомъ довольства, отъ вкушенія благодати Господа, котораго сподобляетъ Онъ ихъ, когда они должнымъ путемъ взыскиваютъ Его и восходятъ къ Нему.— Они упокоиваются въ Господѣ и чувствуютъ себя обладателями всякаго блага. Это и есть прямая мысль стиха: успокоеніе въ Господѣ взыскающихъ Его, въ чувствѣ обладанія всякимъ благомъ,—въ противоположность не Господа взыскающимъ, а на богатство, силу, связи и положеніе въ обществѣ опирающимся, которые томятся чувствомъ скудости и лишенія, сопровождаемымъ всегда болѣзненными страхованіями за себя и за все свое. Берется здѣсь во вниманіе не внѣшнее положеніе тѣхъ и другихъ, а внутреннее ихъ настроеніе и соотвѣтственное тому состояніе духа.

Св. Василій вел. такъ разсуждаетъ при семъ: „*богатіи обнищаша и взалкаша*,—слово сіе научаетъ насъ презрѣнію вещественнаго богатства, показывая непрочность изобилія въ имуществѣ. Ибо богатство непостоянно, и какъ волна, гонимая силою вѣтровъ, обыкновенно течетъ туда и сюда.—Всесовершенное благо есть самъ Богъ, Котораго не лишатся всѣ, взыскающіе Его. Кто вещественное богатство и плотскія преимущества возводитъ на степень благъ; тотъ низкимъ и никакого вниманія незаслуживающимъ вещамъ присвоитъ достопокланяемое и Единому Богу приличное имя. Святые видимыхъ благъ и не считали благами и не искали ихъ. Потому, когда говорится, что они не лишены были никакого блага, надо разумѣть подъ симъ другія блага.—Кто, читая сей стихъ, разумѣетъ видимыя блага; тотъ запутается въ нерѣшимыхъ противорѣчіяхъ. Ибо какъ, напр., будутъ они разсуждать объ Апостолахъ?—

Или они должны сказать, что Апостолы не получили тѣлесныхъ благъ, потому что не взыскали Господа, или, если, и взыскавъ Его, не имѣли такихъ благъ, должны обвинить самое Писаніе, которое удостовѣряетъ, что взыскающіе Господа не будутъ лишены никакого блага.—Нѣтъ; не о тѣлесныхъ благахъ—видимыхъ—должно разумѣть сіе, но о благахъ невидимыхъ—духовныхъ. Эти только блага и суть въ собственномъ смыслѣ блага. Блага же тѣлесныя заключаютъ въ себѣ болѣе болѣзненнаго, чѣмъ пріятнаго; и каждое изъ нихъ притомъ омрачается соотвѣтственнымъ зломъ: супружество—безчадіемъ (или худо-чадіемъ), вдовство—одиначествомъ, земледѣліе—безплодіемъ, торговля—кораблекрушеніями, богатство—казнями, роскошь—пресыщеніемъ; частыя наслажденія—болѣзнями.

Блаженный Августинъ прилагаетъ къ сему: „если буквально понять слова сіи; то имъ не соотвѣтствуетъ дѣло. Много бываетъ богачей неправедныхъ, которые такъ и умираютъ богатыми, не обнищевая, пока живы. Отъ сего бываетъ, что иной, видя, какъ какой нибудь богачъ состарѣвается богачемъ и до послѣдняго часа жизни доживаетъ во всякомъ изобиліи, и духъ свой испускаетъ на одрѣ изъ слоновой кости, окруженный большимъ семействомъ; удостоивается пышныхъ проводовъ и похоронъ, и въ могилу отпускается со всѣмъ великолѣпіемъ,—видя все сіе, и, если зналъ за этимъ человѣкомъ, какіе грѣхи, говорить самъ въ себѣ: я знаю, сколько зла дѣлалъ этотъ человѣкъ; а вотъ состарѣлся въ богатствѣ, умеръ на одрѣ своемъ, выносить его свои, и такіе пышные у него похороны. Знаю я, что онъ дѣлалъ, а между тѣмъ вотъ какова участь его. Стало быть, обмануло меня Писаніе, въ которомъ слышу пѣснь: *богатіи обнищаша и възалкаша*. Когда онъ обнищавалъ? Когда алкалъ? Слышу также: *взыскающіи же Господа не лишатся всякаго блага*. А между тѣмъ вотъ я—каждый день хожу въ церковь; каждый день преклоняю

колѣна, день каждый взыскиваю Господа,—и все ничего не имѣю. А тотъ не искалъ Господа, а среди такого довольства померъ. Силокъ соблазна удушаетъ того, кто такъ разсуждаетъ. Діаволь забрасываетъ на него петлю и влечетъ на грѣхъ, въ подражаніе богачу, котораго видѣлъ онъ умершимъ въ такомъ довольствѣ.“

„Не разсуждай такъ, и не толкуй мѣста сего буквально. Какъ же его разумѣть? Разумѣй въ отношеніи къ благамъ духовнымъ.—Какія это блага и гдѣ они? Они невидимы для очей тѣлесныхъ, а видятся сердцемъ. Ихъ видитъ тотъ, кто любитъ ихъ: сердце видитъ ихъ. Вотъ я уважу тебѣ ихъ,—внимай. Положи, что ты имѣешь двухъ рабовъ: одного,—красиваго, виднаго, статно сложеннаго, но неключимаго, плута, обманщика, вора; а другаго,—безобразнаго, чернаго, неуклюжаго, но во всемъ вѣрнаго, трезваго, бережливаго. Скажи, кого изъ нихъ возлюбишь ты? Если спросишь твое плотское око; то возьметъ верхъ красавецъ неключимый; а если спросишь очи сердца чистаго, то преимущество возьметъ безобразникъ вѣрный. Вотъ тебѣ благо, невидимое для глазъ, а видимое сердцу, которое самъ ты ставишь выше видимаго. Если теперь будетъ кто исполненъ такихъ благъ духовныхъ, будетъ ли онъ бѣденъ? Конечно, нѣтъ. Ибо какъ ты назовешь его бѣднымъ, когда сердце его есть сокровищница драгоценныхъ перловъ всякихъ добродѣтелей,—правды, любви, вѣры, терпѣнія, смиренія? Сравни же теперь съ нимъ того, кто богатъ, но въ сердцѣ исполненъ всякаго зла, и скажи, кто изъ нихъ нищъ и алчущъ, и кто не лишенъ всякаго блага?—Такъ богачи нищи и алчущи, потому что не имѣютъ благъ духовныхъ. А я—и еще скажу тебѣ, что они нищи и въ тѣлесныхъ благахъ. Почему? Потому, что никогда ничѣмъ не насыщаются. Сколько ни имѣютъ, все имъ мало. Вотъ и этотъ богачъ, о коемъ говоришь, нищенствовалъ, если онъ до послѣдняго издыханія все желалъ боль-

шаго, нежели сколько имѣлъ. Напротивъ того алчущіе и жаждущіе правды насыщены бывають, какъ сказалъ Господь. И вотъ почему взыскающіе Господа не лишатся всякаго блага!⁶

Неровности въ участи людей—удѣлъ земной жизни. Распредѣлитель—Господь, непостижимый въ совѣтахъ своихъ. Когда приходятъ мысли, смущающія сердце, при видѣ страждущихъ, которые, однакожь, взыскають Господа; проведи разсужденіе по слѣдующимъ вопросамъ: страждущій точно ли страждетъ? Не свое ли чувство ты навязываешь ему? Видно только, что того и другаго не достаетъ у него; но скорбитъ ли онъ о томъ — тебѣ невѣдомо. Если не имѣть въ томъ нужды, вѣрно, не чувствуетъ лишения, а потому и не скорбитъ. Есть люди, которые довольствуются кускомъ хлѣба и кружкой воды. Если для тебя этого есть большое лишеніе,—то себя и считай лишеннымъ блага, когда нужда доведетъ тебя до того, о другомъ же не суди.—Разсуди также: ты видишь лишенными благъ взыскающихъ Господа. Но точно ли они принадлежать къ сему разряду людей? Взыскають: полно ли? Искренно ли? Прямымъ ли путемъ? Что смущаться если есть недостатки во взысканіи, и если есть и лишенія благъ, обѣщанныхъ за взысканіе? Промышленіе Божіе, воспитывающее самое сіе взысканіе, нашло нужнымъ подвергнуть его испытанію, чтобъ возвестъ его въ совершенство, а потомъ удостоить и полного обѣтованія, изреченнаго о взыскающихъ Господа.

Такъ да разсуждаютъ сторонніе. Сами же почувствовавшіе скорби и лишенія, пусть развивають въ себѣ по шире ту, кроющуюся въ сердцѣ ихъ въ видѣ сѣмени, мысль, что все, устроенное для нихъ Промысломъ, неизбѣжно нужно для нихъ самихъ, для ихъ нравственнаго совершенства. Если-бъ не было сей нужды, не допустилъ бы Господь лишеній. Если допустилъ, стало, нужно. Все дѣло

ваше теперь въ томъ состоять должно, чтобъ воспользоваться подлежащими лишеніями въ свое благо, благодушно и благодарно перенося ихъ, и подъ охраною ихъ заботясь исправить неисправное въ нравѣ, и возвысить до возможной степени умное и сердечное обращеніе къ Богу, которое во дни довольства въ самомъ довольствѣ встрѣчалось не малымъ препятствіемъ. — И другое еще помысленіе пусть развиваютъ — то, что какія бы ни были у нихъ лишенія, не все еще пропало. Есть другая жизнь, къ которой настоящая есть только приготовленіе и воспитаніе. Потерпи часъ-другой: ибо и вся жизнь, какъ часъ. И вступишь туда, гдѣ точно не лишень будешь никакого блага, къ принятію котораго здѣсь употреблень трудъ, положено основаніе, образована способность.

Второе десятистишіе.

Въ первомъ десятистишіи св. Давидъ, вкусивши самъ сладостнаго упокоенія въ Богѣ, всеблагомъ Промыслителѣ, направлялъ слово свое къ тому, чтобы и другихъ возвести въ то же состояніе, живописуя имъ лѣстницу расположеній, по коимъ, какъ по ступенямъ, взойти можно и имъ къ благонадежю — всегда имѣть Бога помощникомъ себѣ, избавителемъ отъ скорбей и дарователемъ всякаго блага. Въ числѣ сихъ расположеній коренное есть Богобоязненность. Не будь ея, — не къ чему привиться упованію, безъ нея и слова взысканія Господа и воззванія къ Нему замирать будутъ въ устахъ. Уразумѣвъ такое значеніе богобоязненности, внимающей Псаломской пѣсни готовъ спросить, что же есть страхъ Божій, и въ какихъ дѣйствіяхъ онъ выражается? — Св. Пророкъ упреждаетъ сіе желаніе, и, — во второмъ десятистишіи, — учитъ страху Божію, 12, — 15, — съ указаніемъ и плодовъ его, 16 — 22.

Вторая десятистишія первая часть 12—15.

Наученіе страху Божію.

Богобоязненный, благоговѣнно помышляя о Богѣ и ходя предъ лицемъ Его, ведетъ себя со всею попечительностію и осмотрительностію, такъ чтобы ни въ словѣ, ни въ дѣлѣ, ни въ помышленіи, не допустить ничего оскорбительнаго для Бога, а ходитъ во всѣхъ заповѣдяхъ и оправданіяхъ Божіихъ непорочно. Почему наученіе богобоязности есть наученіе исполненію всѣхъ заповѣдей Божіихъ, или всестороннему добродѣланію. Св. Давидъ не изображаетъ, однакожъ, здѣсь всей системы дѣлъ, въ коихъ выражается богобоязненность, а беретъ изъ нихъ только тѣ, которыя на каждомъ почти шагу приложимы въ сношеніяхъ людей между собою, въ той мысли, что если кто будетъ держать себя исправнымъ въ этихъ, то несомнѣнно будетъ исправенъ и во всемъ прочемъ. Такія дѣла суть: удерживать языкъ отъ злорѣчія и лукавства, никому не вредить, а всякому дѣлать добро, имѣть миръ со всѣми и распространять его вокругъ, 14—15. Какъ предписанія и законы вообще, въ исполненіи своемъ, требуютъ труда и самоотверженія; то св. Пророкъ, чтобъ расположить къ охотному хожденію въ дѣлахъ страха Божія, указанію ихъ предпосылаетъ обѣтованіе за нихъ жизни счастливой, всегда желаемой, никогда, однакожъ, недостигаемой безъ добрыхъ дѣлъ и спокойной совѣсти,— ст. 13. Онъ какъ бы такъ говоритъ: хочешь быть счастливымъ, дѣйствуй такъ, какъ я тебѣ покажу. Въ семъ случаѣ онъ такъ же поступилъ, какъ потомъ Господь въ нагорной своей къ народу бесѣдѣ, когда Онъ, излагая нравственныя христіанскія расположенія, образованіе которыхъ требуетъ труда немалого, къ каждому изъ нихъ прилагаетъ обѣтованіе блаженства. Стихъ 12—приглашаетъ къ вниманію, по важности предмета наученія, которой, однакожъ, не раскрываетъ:

о страхъ Божиємъ довольно помянуть, чтобъ возбудить вниманіе, важность же сего урока предполагается сознаваемою.

Ст. 12. *Придите чада, послушайте мене, страху Господню научу васъ.*

Многолѣтнимъ опытомъ умудренный предлагаетъ сокровища своей дѣятельной мудрости, передавая ихъ новому поколѣнію, вступающему въ жизнь, и хотящему научиться, какъ жить. Это — ко всѣмъ и намъ слово изъ отдаленной древности. Наши и старцы — младенцы предъ праотцемъ Давидомъ. Да внимаютъ же всѣ!

Придите чада. Это (Вас. Вел.) голосъ искренно расположеннаго учителя, съ отеческимъ благосердіемъ призывающаго къ ученію: потому что ученіе есть духовное чадо учителя. Приемлющій отъ другаго образованіе въ благочестіи какъ бы имъ создается и приводится въ составъ, подобно тому какъ въ утробѣ чревоносящей образуются младенцы. Посему и Павелъ всю церковь Галатійскую, которая отпала отъ первопреподанныхъ ученій, и походила на недоношенный плодъ чрева, снова воспріемля, и Божественною силою воображая въ Галатахъ Христа, назвалъ чадами. *Чадца моя, ими же паки болѣзную дондѣжевообразится въ васъ Христосъ* (Гал. 4, 19).

Придите—послушайте. Чему же (Вас. вел.) хочетъ учить насъ духовный нашъ отецъ? *Страху Господню*, говорить, *научу васъ.* Поелику выше заповѣдалъ бояться Господа, и показалъ выгоды страха, сказавъ, *что нѣсть лишнія боящимся Ему*; то преподаетъ теперь нѣкоторый урокъ о страхѣ Божиємъ. И какъ страхъ Божій есть первое дѣло, то не просто предлагаетъ его, а требуетъ и особаго при семъ вниманія, говоря: *придите, послушайте.* Что страхъ Божій точно есть первое дѣло, — это нынѣ и дѣти малые

знають, научившись у Премудраго, который говоритъ: *начало премудрости — страхъ Господень* (Притч. 1, 8.), — премудрости и дѣятельной и умозрительной. Когда говоритъ — *начало*, даетъ знать, что съ него надобно начинать, и что все другое за нимъ послѣдуетъ, изъ него истекая. Стало быть, безъ страха Божія нельзя сдѣлаться ни знающимъ, ни благоразумнымъ, ни добрымъ. Въ немъ ключъ ко всему этому. Вотъ единственная въ мірѣ кафедра, которая, преподавая одинъ предметъ, всему учитъ! —

Когда св. Пророкъ говоритъ: *приидите, науку*, — означаетъ, что самъ онъ знаетъ сію науку. Ибо какой учитель рѣшится открыть кафедру науки, которой не знаетъ? — Что (Вас. вел.) нужно, напр., быть здоровымъ, — можетъ сказать всякій, даже невѣжда; но какъ должно пріобрѣтать здоровье, говорить объ этомъ — дѣло человѣка знающаго врачебное искусство. Такъ и страху Божію можетъ научить только имѣющій самъ истинный страхъ Божій.

Какой урокъ для родителей, воспитателей, учителей и всѣхъ, которые къ состоящимъ подъ ихъ вѣдѣніемъ могутъ говорить: *чада!* Учитъ ихъ первѣе всего страху Божію, учитъ и словомъ и паче примѣромъ. И какому отвѣту должны подлежать таковыя, когда не только не учать сему дѣлу, а разучиваютъ, — кто жизнию безстрашною, а кто при этомъ и словомъ?!

Св. Пророкъ предлагаетъ здѣсь ученіе о страхѣ Господнемъ, который одинъ спасителенъ. Ибо вѣдать надлежитъ, что не всякій страхъ благъ и спасителенъ. Есть страхъ вражій (Вас. вел.), о которомъ молится Пророкъ, чтобъ онъ не приближался къ душѣ его, говоря: *отъ страха вражія изми душу мою* (Пс. 63, 2). Тотъ страхъ — вражій, который вдыхаетъ въ насъ боязнь смерти, и который внушаетъ намъ страшиться преимущества лицъ. Боящійся сего возможетъ ли, во время мученичества, противостоять грѣху даже до смерти, и воздать долгъ умершему за

насъ и воскресшему Господу?—Есть еще неопредѣленный и невѣдый страхъ, навѣваемый демонами. И онъ кажется мнѣ немощію, порождаемою невѣріемъ; ибо вѣрующій тому, что есть у него крѣпкій Помощникъ, не страшится ничего изъ усиливающихся возмутить его.

Что же такое (Вас. Вел.) страхъ спасительный, страхъ освящающій, страхъ преднамѣренно, а не по немощи поселяемый въ душѣ? Хочешь ли, —объясню тебѣ свойства сего страха?—Когда влекомъ бываешь на какой либо грѣхъ, представь себѣ мысленно страшное и нестерпимое судилище Христово, гдѣ на высококомъ и превознесенномъ престолѣ возсѣдаетъ Судія, вся же тварь съ трепетомъ предстоитъ при славномъ Его явленіи, и каждый изъ насъ приводится на испытаніе содѣланнаго имъ въ жизни; потомъ къ совершившему въ жизни много худыхъ дѣлъ приставляются страшные и угрюмые ангелы, у которыхъ и взоръ огненный, и дыханіе огненное, по жестокости ихъ воли, и лица подобны ночи, по унылости и челоуѣконенавидѣнію; потомъ—непроходимая пропасть, глубокая тьма, огонь не свѣтлый, который во тьмѣ содержитъ попяляющую силу, но лишень свѣтозарности; потомъ—какой-то ядоносный и плотоядный червь, пожирающій съ жадностію, никогда не насыщаемый, и своимъ пожираниемъ производящій невыносимыя болѣзни; потомъ—жесточайшее изъ всѣхъ мученій — вѣчный позоръ и вѣчный стыдъ.—Сего страшись, и симъ страхомъ вразумляемый, какъ бы нѣкоторою уздою воздерживай душу отъ худыхъ пожеланій.

Страху Божию обѣщаетъ научить насъ отецъ; но (Вас. Вел.)—научить не всѣхъ, а только желающихъ слушать его. Послушайте вы, у которыхъ отверсты уши сердца, простосердечные, дѣтской вѣры исполненные, чада, чрезъ сыноположеніе крещенія содѣлавшіеся присными Богу и удостоившіеся стать сынами свѣта чрезъ пакибытіе. Ибо у Пророка не его училище, а училище Духа

Святаго. Духъ владычній, возраждающій въ сыновство Бо-
гу, вѣщаетъ устами Пророка, какъ самъ онъ исповѣдалъ:
*Духъ Господень глаголетъ во мнѣ, и слово Его на языкъ мо-
емъ* (2 Цар. 23, 2).

(Блаж. Августинъ) „Приидите же, будемъ слушать
Его! Откроемъ слухъ, разверземъ сердце. Да не будетъ у
насъ слухъ открытъ, а сердце закрыто. Богъ говоритъ чрезъ
Пророка. Кто не захочетъ послушать Его?“

Редакторъ: Протоіерей Іоаниъ Москвитинъ.

Съ дозволенія цензуры. 28 Марта 1869 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.